

Настал день Осенней Охоты.

Прежде чем утренний туман успел полностью рассеяться, грандиозная процессия медленно начала свой путь за ворота дворца. Имперские гвардейцы на огромных скакунах расчищали путь для драконьего паланкина. Неподалеку от них Шэнь Тинлань ехал следом за лошадью своего отца, срочно шепча ему:

— Отец! Не подъезжай слишком близко!

В узком переулке, отделенном от королевской процессии лишь одной стеной, Шэнь Чунь наконец натянул поводья. Они наблюдали, как мимо проезжает драконий экипаж, мельком увидев в нем Шэнь Юйхэна. Он не выглядел счастливым.

Шэнь Чунь покачал головой, беспокоясь за младшего сына:

— Это такая редкая возможность выбраться на охоту; почему он выглядит таким несчастным?

— Весь день заперт во дворце, как тут не быть несчастным? — пробормотал Тинлань. — По крайней мере, скоро он сможет...

— Сможет что?

— Скоро... сможет немного развлечься за городом, да? — Тинлань едва не проговорился и поспешил обратить все в шутку. Он посмотрел в сторону эскорта и заметил Шэнь Юньцзина, ехавшего среди группы наездников на черных жеребцах с холодным, равнодушным выражением лица.

Те, кто выжил на поле боя, разделяли определенное безразличие к жизни и смерти; они видели самые уродливые стороны человеческой природы и больше не заботились о бинарных концепциях добра и зла. Тинлань лишь надеялся, что план не раскроют, а если это и случится — что семья Шэнь не пойдет ко дну вместе с ним.

Последний Подарок Императора

Когда экипаж прибыл на охотничьи угодья, Сяо Хуай наконец открыл глаза. Смертельно больной, он не имел на коже ни малейшего румянца. Его некогда черные волосы превратились в иссохшую серебристо-белую гриву, а пальцы приобрели болезненный бело-синий оттенок, казавшись на солнце почти прозрачными.

Шэнь Юйхэн вытер холодный пот со лба Императора. Евнух Фан пригласил его в драконий экипаж, и всю дорогу Сяо Хуай держал глаза закрытыми. Теперь же, когда он их открыл, в его взгляде была поразительная ясность — последняя вспышка перед концом.

Сяо Хуай сел и позвал Фан Цина, чтобы тот сменил благовония и принес ему пилюли. Как только круглая таблетка скользнула в его хрупкое горло, выражение его лица расслабилось. Он посмотрел на Шэнь Юйхэна.

— Где золотая шпилька в виде лотоса, которую я тебе подарил?

— Подарок был слишком ценным... поэтому я отложил его.

— Носи ее, — сказал Сяо Хуай; его иссохшие пальцы с неожиданной силой погладили мужчину

по макушке. — Раз я подарил ее тебе, надевай ее каждый раз, когда видишь меня... пусть мой сын хорошенько ее разглядит...

Шэнь Юйхэн замер и инстинктивно в ужасе отвел взгляд. Губы Сяо Хуая изогнулись в улыбке, когда он приказал Фан Цину послать кого-нибудь во дворец за шпилькой.

Как только Фан Цин ушел, Сяо Хуай выпрямился, его взгляд устремился на шарф из лисьего меха на шее Шэнь Юйхэна. Хотя осенний воздух был прохладным, он не был настолько холодным, чтобы носить такой тяжелый мех. Обычно Сяо Хуай не обращал внимания на одежду своих супругов, но он живо помнил, как прошлой зимой Юйхэн накинул на себя шаль, утверждая, что боится холода.

— Сними это, — скомандовал Сяо Хуай, и его длинные бледные пальцы вцепились в мягкий мех.

Пальцы Шэнь Юйхэна задрожали.

— Меня... поцарапала бродячая кошка. Рана кровоточит; боюсь, это оскорбит взор Вашего Величества...

Улыбка Сяо Хуая стала насмешливой. Его почти прозрачные пальцы скользнули под шарф, идеально ложась на синяки, которые Сяо Цзинь оставил на шее мужчины. По тому, как лицо Шэнь Юйхэна стало ледяным, Император все понял. У него никогда не было ребенка, настолько похожего на него — такие же вкусы в красоте и даже схожие... «привычки» в опочивальне.

Но в то время как метки Императора были сдержанными, чтобы не повредить «сокровище», метки Сяо Цзиня были жестокими, похожими на клеймо, призванное вбить его право собственности в кожу Шэнь Юйхэна. Сяо Хуай восхищался методами сына, но... Шэнь Юйхэн должен был быть *его* человеком. Даже после смерти он должен принадлежать только ему.

Как раз в тот момент, когда хватка Сяо Хуая на бледной шее стала еще крепче, чья-то рука откинула бисерную занавеску. Резкий звук разрушил гнетущую атмосферу. Шэнь Юйхэн воспользовался шансом, чтобы отстраниться, его спина ударилась о человека снаружи экипажа. Он поднял глаза и увидел Сяо Цзиня.

Принц протянул руку с пустой, насмешливой улыбкой:

— Этот сын пришел пригласить Императорского Отца и Мать-Супругу спуститься.

Шэнь Юйхэн проигнорировал руку и спустился сам. Сяо Цзинь окинул его холодным, мрачным взглядом, словно желая сказать что-то резкое, но в итоге промолчал.

Система загудела статическим шумом:

[Сегодня между вами витает очень странная аура...]

Как только они спустились, служанка сообщила им:

— Его Величество нездоров и не будет сопровождать вас на охоте. Он желает, чтобы Девятый Принц взял на себя инициативу и показал пример другим принцам.

Перед их уходом Фан Цин шепнул Юйхэну:

— Супруг Шэнь, не забудьте задержаться в Зале Умственного Развития на минутку после нашего возвращения. У Его Величества есть для вас еще один подарок.

Юйхэн рассеянно кивнул. Он все еще не мог прийти в себя от шока, который испытал тем утром, взглянув в зеркало. За одну ночь на его шее появилось два свежих, красных отпечатка рук. Он смутно помнил волну неестественной сонливости после прикосновения Сяо Цзиня, а потом... ничего.

Он проснулся в ужасе, задаваясь вопросом, не сделали ли они чего-то, чего делать не следовало. Увидев следы, он понял, что Сяо Цзинь вырубил его только для того, чтобы выместить свою ярость, «душа» его. Он не столько злился из-за синяков, сколько раздражался из-за того, что мальчишке было плевать на время — им предстояло ехать на охоту!

Он последовал за Сяо Цзином к угольям и увидел Су Чэна, проверяющего свое снаряжение. Люди Сяо Цзиня забрали лошадей, и Су Чэн пошел за ними. Возможно, почувствовав чей-то взгляд, Су Чэн обернулся, и его глаза встретились с глазами Юйхэна. Юйхэн почувствовал укол вины и отвел взгляд.

Сяо Цзинь увидел этот обмен взглядами, и его лицо помрачнело, хотя сегодня он проявлял странную терпимость по отношению к Юйхэну. Возможно, это было связано с его потерей контроля прошлой ночью. Тем не менее, он не мог подавить kloкочущую в груди ярость. Он не понимал, почему был так импульсивен. Обычно ему нравилось держать всё под контролем; если Юйхэн хотел спасти для него Су Чэна, ему следовало просто откинуться на спинку кресла и наслаждаться результатом.

И все же, даже видя, как Юйхэн «сдается» под его прикосновениями, находясь в сознании, глядя на эти дрожащие, закрытые веки, он не мог отделаться от мысли, что мужчина вот-вот очнется. Он чувствовал, как контроль ускользает; это он должен был дергать за ниточки, но чувствовал себя все более скованным.

— Сяо Цзинь? — позвал Юйхэн, когда юноша остановился.

По плану Сяо Цзинь должен был пойти и успокоить Су Чэна, чтобы предотвратить распространение слухов. Но он ушел прочь, и вся его спина излучала ярость.

Система прошептала:

[Что с ним опять не так? Вы, ребята, поссорились?]

— Если бы, — вздохнул Юйхэн. *Меня чуть не задушили; я даже говорить нормально не могу, не то что ссориться.*

План Приходит в Движение

Перед тем как войти в лес, они с Шэнь Юньцзином поменялись одеждой, замаскировавшись под «Су Чэна» и «Сяо Цзиня».

Изображать Су Чэна было легко. Большинство принцев были бездельниками из королевской семьи, которые едва ли знали, что у Императора есть мужчина-супруг; Юйхэн мог назваться кем угодно. Труднее всего было Юньцзиню играть Сяо Цзиня. Хотя большинство не часто видело Принца, о его жестокости ходили легенды. Юньцзин же был человеком чести и

достоинства — полной противоположностью энергетики Сяо Цзиня, кричащей: «Я убью всю твою семью».

К счастью, когда Юньцзин надел чернильно-черные одежды, его фигура — обычно скрытая под тяжелыми доспехами — смотрелась на коне удивительно благородно. Издалека сходство было поразительным.

Шэнь Юйхэн подъехал на своем великолепном белом коне, поприветствовав нескольких чиновников, чтобы подтвердить присутствие «Су Чэна». Один чиновник, стремясь выслужиться, подвел его к «Сяо Цзиню» и начал восхвалять красоту «Су Чэна», назвав их двоих «родственными душами одного возраста».

Когда чиновник ушел, терпение Юньцзина иссякло. Он стиснул зубы и прошептал:

— Что связывает Сяо Цзю и этого парня Су?

— Они... неплохо ладят, — уклончиво ответил Юйхэн. С характером Сяо Цзиня то, что он вообще кого-то терпел, было чудом. Юйхэн, которого юноша кусал, душил и «стыдил», чувствовал, что ему больше нечего бояться.

Охотничий отряд был небольшим. Когда все собрались, Юньцзин повел себя как настоящий генерал, поведя Юйхэна в лес впереди всех. Они скакали во весь опор, оставив остальных далеко позади.

Почувствовав, что за ними гонится всё больше и больше всадников, Юньцзин помрачнел:

— Держись ближе.

Юйхэну некогда было кивать; он лишь крепче сжал поводья. Пока они скакали, холодный ветер резал уши, как ножом. Внезапно позади раздались крики мятежников.

Его сердце начало успокаиваться — ловушка захлопнулась. Но оглянувшись, он не увидел Сяо Цзиня. Вместо этого из-за деревьев вырвался отряд незнакомых солдат, разрушив засаду повстанцев и вынудив их отступить в тыл.

Подкрепление Сяо Цзиня находилось еще дальше и теперь было вынуждено вступить в лобовое столкновение с отступающими мятежниками. Хотя таинственные войска и помогали, они полностью нарушили ход плана, замедлив продвижение Сяо Цзиня.

Юйхэн притормозил коня, и в его груди зародилось тонкое, неприятное предчувствие. *Этого не было в плане.* Увидев, что он сбавил скорость, Юньцзин подъехал к нему и схватил его поводья с решительной, непреодолимой силой.

— Сяо Юй, — сказал Юньцзин, и в его голосе звучала непоколебимая решимость. — Сяо Цзю — нехороший человек. Он не заслуживает быть рядом с тобой. Жизнь длинная — пойдем со своим братом.